

ДАВИД
САСУНСКИЙ

ОМГНЗ

ИАН-1942

891.99

Д-130

891.99
Д-130

ДАВИД САСУНСКИИ

Армянский народный эпос

Литературная композиция по сводному тексту

СУРЕНА КОЧАРЯНА

*Под редакцией академика
И. А. ОРБЕЛИ*

АРМГИЗ

1942

ЕРЕВАН

По переводу

В. ДЕРЖАВИНА
А. КОЧЕТКОВА
К. ЛИПСКЕРОВА
С. ШЕРВИНСКОГО

*(Фронтиспис (гравюра на дереве),
обложка, заставки и концовки художника
ОВСЕПА КАРАЛЯНА*

3933
42

С незапамятных времен, на заре человеческой культуры, в ранней семье могущественных стран, была и моя древняя родина—страна Айастан. Населял ее трудолюбивый, талантливый, великий народ. Над героической Арменией десятки веков промчались нашествиями и войнами, грабежами и разореньем, опустошающим ураганом бедствий и болей. Терзали родину мою Александр Македонский и римляне, сасаниды и византийцы, арабы и монголы, но они не сокрушили, не сломили ее свободолюбивый дух и героизм, ее страстное стремление к мирному труду и жизни, ее мятежность против поработителей и тиранов. Не сломили

крылья мечты о светлом
будущем своем.

В седой глубине ве-
ков, тысячу лет тому
назад, в пору особо
тяжких испытаний на-
род мой сложил свое
величественное сказа-
ние—песнь о Давиде
Сасунском. Народ бла-
гоговейно сохранил в
памяти и на устах чу-
десный образ пламен-
ного Давида и донес
его до наших лучезар-
ных дней. Песнь эту я
бережно взял у народа,
чтобы о ней поведать
и вам. Начну я повесть
свою так же, как некогда
отдаленный мой пре-
док сказитель, собрав
в кружок своих сограж-
дан, вдохновенно брал
в руки свой саз и за-
певал.

С запева начну и я:

*Великих праотцев наших —
Сорок раз помянем добром!
Санасара и брата его Багдасара —
Помянем добром!
Міера старшего мы — сорок раз
Помянем добром!
Мы тысячу раз помянем добром —
Великий Сасунский дом!
Искусных рассказчиков наших —
Помянем добром!
Всем слушающим — домая жизнь,
Отцам их — вечный покой!*

О чем станем повествовать?
Вот начало: был нехристь Халиф,
Да еще был армянский царь.
Царская дочь красива была,
Звалась — Цовинар Хавум,

(„Цовинар Ханум“—Госпожа морей).

И пошел Халиф на царя войной,

Чтобы дочь его в жены взять.

И решила тогда Цовинар

Стать женою Халифа,

Чтобы страна ее не погибла,

Чтобы народ ее не погиб.

Горюя пришла она к берегу моря.

Утомилась она, пить захотела,

Да морская вода—солона была.

И господь повелел—расступился прибой,

Явился ключ сладкой воды.

Она глядит: на берегу большой валун,

Бурливо бьет кипучий ключ из валуна.

Она

Подошла к ключу

И в ключ бессмертных сил она

Погрузила ладонь.

Хлебнула горсточку воды,

Еще пол-горсточки...

Вода ушла.

И она зачала

От тех двух горстей воды.

Прошло девять месяцев,

Девять дней, девять часов,

Девять минут

И тут

Она двух малчиков родила.

Дали имя старшему—Санасар,

Дали имя младшему—Багдасар.

И вот побежали дни,

И дети росли день ото дня.

И время текло, подросли они,

Стали охотиться.

Вот однажды в седла вскочили,

Отправились в путь.

Долго ли, коротко ли были в пути,

Им повстречался узенький ручей,

И видят—ручей

Бежит, спешит с высоких гор

И прямо в реку буйно бьет,

И реку режет поперек,

И оставляет светлый след среди реки,

И с ней сливается в одно,

И с ней течет.

Тут вспомнили братья—говорила мать:

— Кто отыщет исток еле видной воды,

Кто дом свой построит у этой воды,

Тот сам будет сильным—сильнее других.

И сын его будет силен,

И сын ему сильного внука родит,

И внук будет сильных иметь сыновей.

И пошли два брата, пошли,

Вдоль узкой воды пошли,

Путь вдоль ручья нашли,

И все шли, и все шли,
По горам, по долам,
И по высям пошли этих гор,
И все шли и пришли
В неведомые края:
Пропасти, скалы,
Увалы, провалы,
Обвалов края,
И лес, и медведь, и много зверья.
Безлюдно было вокруг.
Санасар сказал: пригоже кругом!
Вот наконец и путям конец!
Тут мы выстроим дом, построим дворец!
И выпили братья воды у истока ключа,
А как выпили:—
Раздобрили,
Посильнели,
Похрабрили,
Покрупнели—
И каждый по глыбе брал, таскал,
И еще таскал, взгромождал.
Санасар преогромные скалы принес,
Багдасар необъятные камни принес,
На каменный столб
Столб каменный взвели,
Перемычки свели,
До конца довели
Крепость свою,

И задумались братья:
Как бы им крепость назвать?
Седобородого старца нашли,
На крепость старик посмотрел—сказал:
— Как имя этому дать?
Ну, как мне это назвать?
Не дом вы построили, нет!
Угрозу построили вы!
Ярость—*Сасун* построили вы!

И крепости имя стало „Сасун“,
И дом назывался—„*Сасунский дом*“.

Знал Санасар о коне морском.
Морем рожденный—бога призвал Санасар,
В море бросился кувырком...
Расступилась вода—он пошел
По морскому дну.

И сад подводный видит он.
И стоит невдали Конь-Морской-Джалали.
Конь в перламутровом седле,
На нем Меч-Молния висит.
Под седлом конь ждет,
Удила грызет.
И ларь увидел Санасар:
Кафтан железный ларь хранит,
Сапожки бранные таит,
В нем пояс панцырный лежит,

Шлем, что не может быть пробит,
И Рокотун-Труба, и щит,
И палицы в нем грозен вид.

Все добыл он, все достал
И вернулись братья в крепость Сасун.
Поднялись в нее и живут,
Ни налогов они, ни податей
Не берут,
И к ним постепенно стекался народ,
И Сасун большим городом стал.
„Санасар, Багдасар“—слава всюду гремит.
Уж по всем краям весть о них прошла:
— Так, мол, и так, и так,—без конца,
Есть, мол, в Сасуне два храбрца!

И когда Санасар стал известен везде,
В Медном городе слышит о славе его
Дочь царя мощных каджей: сплетала она
Сорок кос золотых и звалась Дехцун-Цам.

И стала тогда Дехцун-Цам
Женой Санасара,
Сестра ж Дехцун-Цам элатокосой—
Женой Багдасара.

Багдасар остался бездетным,
Санасару же, волею бога,
Родились два сына.
Одного называли—Дзенов-Оганом,

(Мол,—Голосистым Оганом),
Другого—Мгером.

А время пришло—умерли все:
Остались два брата—Оган и Мгер.
А было Мгеру в то время семь лет,
А рост его был—семь локтей.
И ходил он на охоту с той поры,
Сколько ни встречал дичи и зверей,
Убивал, ловил,
В Сасун привозил
Людам раздавал,
Охотою Сасун семь лет кормил.

Так силен и могуч был Мгер,
Что со львом в поединок вступал,
И льва пополам раздирал.
И называл
Его народ:—„Львораздиратель Мгер“.

И день наступил,
Ко Мгеру пришел сасунский народ,
Сказал ему:
„Ты—наш хозяин, наш князь,
Правь нами теперь!“

И сделал народ его князем своим.
Отдал ему:
Молнию-Меч,
Коня—Джалали,
Капу—Хабуки,

Цветной тюрбан
И кушак на стан,
Мгер стал хозяин земли:
Он сел на Коня Джалали,
Меч-Молнию в руки взял,
Отцовскими землями править стал
И землю свою с другими связал.

Тогда и женился Мгер:
Царя Мелкона дочь,
Прекрасную Армаган,
Ту деву-пери—себе в жены взял.

Жил в это время—Мысра-Мелик.
С тех пор, как умер Санасар,
Сасун Мелику дань платил,
Только Мгер об этом не знал,
Дани в Мысыр не посылал.

И вот, однажды, Мелик
Послал гонцов в Сасун
И Мгеру велел сказать:
— Выходи на битву со мной!
Поднялся Мгер, сел на Коня-Джалали
И поскакал во Мысыр.

Вот видит Мелик:
Всадник скачет во мгле,
Как громадная крепость
Сидит в седле,

Конь его словно буря летит...

Тут, сасунский Мгер и Мысра-Мелик

Сошлись, взялись,

Вступили в бой.

Объяли твердь и землю стук и гом.

На юге говорят:

„То облака гремят“.

На севере говорят:

„То горы в дол летят“.

Мир дрожал от ударов их и толчков.

Три дня и три ночи бились они,

Не одолели друг друга.

Тут сказал Мелик: „Послушай, Мгер,

Давай заключим договор:

Ты свободен от дани впредь, навсегда,

И Сасун-земля да будет твоей,

Возвращайся спокойно,

Блаженствуй, ешь, пей,

Но, ежели будет война,—

Знай: союзники мы с тобой!“

На том и сошлись.

Не прошло и года,— умер Мелик.

А Исмил-Ханум—Мелика вдова,

Была молода, красива тогда.

Она сказала: — Джаным,

Мне нужен хороший муж,

Чтобы правил моею страной.
Не послать ли за Мгером в Сасун?
Пусть придет он и ляжет со мной,
Быть может родится сын у меня?
Коль крови его мы здесь не привьем,
Коль мы не случим
Своих кобылиц с его жеребцом,—
Потомки его раздавят наш род!
И вот,
Двое гонцов отправились в путь,
Мгеру они письмо привезли.
В письме этом сказано было:
— Спеши мне на помощь,
Ишхан Сасуна.
К тебе я с надеждой взываю,
Коли не придешь—не мужчина ты!
Тут Мгер жене говорит:
— Жена, мой долг пойти!
А Армаган ему в ответ:
— На кого покидаешь ты царство свое?
На кого покидаешь меня?
Не доброе чует сердце мое!
Ой, не ходил бы ты лучше, Мгер!
Ответил Мгер: „Умер Мысра Мелик—
Жена его меня зовет:
Я обязан пойти ей на помощь“.
Как прынул Мгер в седло с земли,
Он утром выехал, и в Мысыр—

К закату прискакал.
Исмил-Ханум его ждала,
Сидела у окна.
Услышала топот она:
Вот близится всадник во мгле,
Похож на огромную крепость,
Сидящую в седле,
Конь его—словно буря летит...

Мгер круто—вот так—

Осадил коня у окна
И молвил:—Скажи,
Зачем позвала меня?

Увидала Ханум:—
Не сходит Мгер с коня—
Служанкам крикнула:
— Нет пропасти на вас!
Где семилетнее вино у вас?
Подать сюда!

Вот семилетнее вино
Царица подносит Мгеру.
Мгер, не сходя с коня,
Взял, выпил то вино,
И в голову ему ударило оно.
Царица его во дворец ввела,
Сказала:—Мгер, тебя я звала,
Чтоб успокоил ты нашу страну.
Тебя я звала, чтоб лег ты со мной,
Я сына хочу от тебя,

Чтоб он был, как ты—удалой!
Тебя я полюбила, Мгер,
Ты волею меня возьмешь,
Или неволей—а возьмешь!

На славу был встречен Мгер,
Приветливо Мысыра царица,
Любовно его приняла,
Напоила его допьяна.
Тут уж волей-неволей, Мгер
Лег на ложе с мысырской Ханум.

А конюхам своим перед тем
Ханум приказ дала:
— Скорее к стаду кобылиц гоните Джалали!
И в миг исполнен был ее приказ:
Погнали Джалали
В табун, пасущийся вдали...
От Мгера-Мелика вдова зачала,
Кобылицы же зачали от Джалали.
Царица не дала
Безумью пьянству от Мгера отойти.
Так Мгера мсырская ханум
Семь лет поит вином
И не дает опомниться ему.

И время пришло, и она родила
А сына—именем умершего царя—
Мысра-Меликом нарекла.

Вот однажды Мгер, возвращаясь в покой,
Стал у дверей

И слышит: мсырская ханум
Ласкает сына и, смеясь,
С ним говорит:—мой князь,
Сынок мой милый, свет очей моих,
Ты укрепи наш мысырский очаг,
Ты раздави сасунский очаг!

Когда это Мгер услышал—
Отрезвился вдруг,
Задумался он тяжело,
Сам себе сказал:
—Ай-вах! Я поле чужое полил,
Зазеленело оно,
Я поле свое позабыл
И высохло поле мое!—
Угрюмо, молча Мгер
С раскаяньем покинул Мысыр
И возвратился вновь домой, в Сасун.

Тут Мгера жена—Армаган—
Ворота на засов,
Двери на замок:
— Я клятву дала!
Я дала обет,—что ты
Не коснешься ложа моего!

Что у Мгера в Мысыре есть сын—
Знала Армаган,
Молвила:—Чтоб искупить свой грех
Ты мужем мне не будешь сорок лет.
И смутился Мгер:

-- Будет поздно через сорок лет,
Возмужает Мысра-Мелик тогда...

Долго уговаривал жену,
Но не поддалась она.

Князья к ним пришли

И вмешались в спор,

Монахи пришли

И вмешались в спор,

Сказали:—Здесь нет великой беды,—

Ошибаются в жизни все!

Ну—он с любовницей пожил

И вновь вернулся домой...

-- На сколько лет,

Ты дала обет?

Спросили у Армаган,

Сказала:—На сорок лет!

Тут монахи и князья рекли:

--Чего вам тужить?

Закон то у нас ведь в руках:

Мы сорок лет сочтем за сорок лун,

Мы сорок лун сочтем за сорок недель,

Сорок недель сочтем за сорок дней,

Сорок дней сочтем за сорок часов,

Сорок часов сочтем за один час...

Был тут еще кривой поп, добавил:

-- А этот час сочтем за сейчас!

И благословили их тогда монахи,

Молвили: бог да отпустит ваши грехи!

Идите, будьте мужем и женой,

И да родится сын у вас!
И так Армаган зачала, а когда
Минул месяц девятый,
Девятый день и девятый час,—
Сын родился у Армаган.
Окрестили. Давидом его нарекли,
За то, что нарушила клятву,
Умерла Армаган. Умер Мгер.
Остался Давид сиротой.

Давида взял Дзенов-Оган,
Стал для него отцом.
Дитя хотели накормить
Все жены города Сасуна,
Но младенец груди ничьей не брал.

И кормилицы ему говорят:
— Во Мсыре, где Мгер прожил семь лет,
Кормилица есть для Давида!
Семь лет она Мгеру была как жена
И сына Мгерова вскормит она,
Ты должен во Мсыр дитя отослать!

Оган говорит:
— А кто же его во Мсыр отвезет?
Ответил народ:
— Дитя поручи Коню-Джалали!
К спине Джалали его привяжи,
Хлестни жеребца,
И к дому Исмил на дивном коне
Домчится Давид!

Вот вывел Оган из стойла коня,
Убрали его, спеленут Давид,
Цветным кушаком привязан к седлу;
И молвил Оган Джалали-Коню:
— Тебя я молю, мой умный конек:
Не сбрось моего малютку в поток!
Смотри: не ударь о скалу головой,
Домчи его в дальний Мысыр и отдай
Мысырской Ханум самой.
Я светоч Сасуна вверяю тебе:
Не сбрось на кусты,
Об утес не разбей!
Домчи невредимым его в добрый час,
Чтоб светоч армянский в пути не погас!

И с ношею прынул
И скрылся в дали
За облаком и за горой
Джалали...
А мать Мысра-Мелика—
Исмил-Ханум—сидит у окна.
Видит она:
Пыль над полем летит до небес,
Пламенем в небо пышет земля,
Близится вихрь...
Поглядела Ханум—узнала коня.
Конь стал на колени, головой поник.

Раскрыла царица свивальник, глядит:
В свивальнике спит младенец Давид,
И грамота рядом лежит,
В той грамоте пишет Дзенов-Оган:
„Невестушка, сестра!
Вернулся Мгер и сын родился у него,
Но умерли Мгер с женой,—
Осталось дитя сиротой.
Ради Мгера ты его вскорми,
А как подрастет,
Вновь возьму к себе.“

Обрадовалась Давиду Ханум,
Но как ни совала грудь ему в рот,
Младенец груди не берет.
Тогда послала Ханум
За пищей в Сасун,
И все, что может есть дитя,
Сасунцы прислали Давиду.
Только и ел он, что пищи родной!

Другие дети растут по годам,
Давид вырастал по дням.
Так силен был Давид,
Что ремни колыбельные рвал.
Железною цепью обматывать стали его,
Но Давид был настолько силен,
Что и цепь рвалась.

А время текло.
Вырос младенец Давид.
Во Мсыре—возмужал Мелик.

И день наступил
Арабы—во главе с Мысра-Меликом—
Нагрянули в землю Сасун.
И землю разорили
И народ покорили.
Дзенов Огана и других
Схватили,
В плен увели.
Мелик поднял свой меч
И под мечом заставил их пройти.

А был мой Давид еще очень мал,
И хотели Давида под меч подвести.
Тут как вырвется мальчик из рук,—
Мизинцем задел за кремневый утес:
Искры брызнули из кремня.

Еще больше тогда разозлился Мелик:
— Голову снесу!—кричит.

Тут векили все,
И визири все,
Принялись его умолять:
— Храни тебя бог, Мелик!
Ведь Давид—дитя!
Чем он страшен? Зачем его убивать?
Ну, на утро другого дня

Встал Мысра-Мелик,
Сел на коня,
Давида он взял и повез с собой.

На площади встал Мелик,
С товарищами начал палицу метать,
Давид же сел
И стал в песок играть.

Сидел смирнехонько Давид,
Пока не наступил черед Мелику метать.
Глядит Давид:

Настал Меликов черед...
Когда Мелик оземь палицей ударял,
Давала трещину земля,
Как от потоков с гор.

Пошел, в одну из трещин влез Давид.
Мысра-Мелик кричит:
— Давид, вставай, уйди, —
Палицу метать хочу!
Три раза крикнул, а Давид
Не слышит, будто, ничего.

В великий гнев пришел Мелик,
Заревел своим:
Сторонись! Отойди!
Метнул палицу, сказал:
— Ты прахом был, так прахом стань!
А Давид мой руку протянул
И схватил палицу.

Мелик сказал: Эге! Ай-вах!
Чтобы я палицей Давида не убил?
Этак отымет он и царство мое!

Мелик в чертог к себе созвал князей,
Перед ними встал, сказал:
— Решайте, как быть?

Этот Давид
Теперь уж хватает мою палицу!
Надо голову ему отрубить!

И снова сказали князья:
— Он—дитя! Что же смыслит он?

Еще через день Давид мой—дитя
К Меликову складу оружия пошел,
Глядит:

Меликова большущая палица там лежит,
Взял, поднял палицу Давид,
Как наземь опустил:
По городу гром прошел,
Земля затряслась, трещат дома,
Перепугался люд городской.

Мелик пришел домой
И видит: спит Давид,
Тут он с лука снял тетиву,
Удавить он Давида хотел,
Но мать Мысра-Мелика стала перед сыном,
Грудь свою обнажив, сказала:
— Коль ты Давида убьешь,—

Будет ядом тебе мое молоко!

Мелик рассердился,
Прочь из дому ушел.
А Ханум задумалась,
Да задумавшись, сказала:
— Милый мой, Давид!
Пока не вернулся Мелик,
Лучше к дядьям я тебя пошлю.
Иди, хороший мой, иди
В город Сасун, к дядьям своим.
Храни тебя господь!

Давид сказал:
— „Да, Ханум, уйду!“

И поцеловал Давид руку Ханум,
И пустился в путь, в город Сасун.

С поклоном помянуты будьте,
Великие праотцы наши!
С поклоном помянут ты будь,
Ненаглядный Давид!
С поклоном помянут ты будь,
Миров брат, Оган-Голосистый!
С поклоном помянут ты будь,
Мудрый воин арабский!
С поклоном помянут ты будь,
Конь-Огонь-Джалали!
С поклоном помянут ты будь,
Предок мой, славный сказитель!
Низкий поклон мой и вам —
Внимающим мне терпеливо!

На чем же прервал я рассказ?
А на том: ушел из Мысыра Давид.
Так вот, шел много дней мой Давид,
Все шел он и шел,

И в один из дней

До Сасуна дошел.

—Хвала тебе, господи!—

Молвил Дзенов-Оган.

—Пришел, прилетел наш пленец!

Над землей армянской солнце взошло!

Не погук Сасунский очаг!

Встал Оган, к кузнецу пошел,

Башмаки стальные велел склепать,

Стальной посох велел сковать,

Давиду дал, в лоб поцеловал, сказал:

—Народ наш, наш град—стадами богат,

Давид мой, родной! Поручаю тебе я стада.

Паси, береги народа добро!

Встал Давид, башмаки стальные надел,

Взял в руки посох стальной,

Сбил стадо свое,

Погнал,—на Сасунскую гору загнал,

Пустил,—на земле разлегся,—заснул,

Продспался, проснулся, сел, глядит:

Весь скот разбрелся, на утесы залез.

Постоял, покричал—

Искать побежал.

Затопал по горам.

Как загудел его шаг

В горах,

Тут из пещер, как повалят

Медведи и волки толпой,
Припустился Давид,
А те--удирать.
Бежал-бежал,
Всех зверей заморил, загнал,
Подошел,
Всех руками побрал,
Со стадом смешал,—
И снова давай
По горам—ущельям кружить.
Отсюда львицу пригнал,
Оттуда тигра пригнал,
Снизу льва пригнал,
Сверху рысь пригнал,
Слева шакала пригнал,
Справа медведя пригнал,
Всех дьяволов—зверей согнал,
Все пастбище ими забил.
Присмирели все, Давида боясь.

Ввечеру Давид свое стадо пригнал,
В город впустил,
Весь Сасун наводнил.
И не вышел никто из домов.

Сказали князья: не вышло дело, Оган,
Ничего людского в парнишке нет,—
Безумец,—право безумец!
Тут дядя Давиду сказал:

—Пастух из тебя—никакой!
Займись хоть охотой!
Смолчал Давид.
Он сокола себе достал,
Лук и стрелы повесил к плечу,
В поля уходил, охотиться стал:
Бил воробьев, куропаток он бил.

Старуха в Сасуне жила,
—Давид,—говорит,
Мгера-Льва ли ты сын?
Коль мужчина ты и сын отца твоего,—
Зачем не идешь в Цовасар?
Мысырский Мелик на нас напал,
Отцову Гору—Цовасар—оттягал.
Ступай, коль ты удалец,
Владенья отца верни.
Зверей там не счесть,
И серны, и лани там есть.
А дорогу тебе укажет Оган,
Почему не взберешься туда?
—Ну, нанэ,—молвил Давид,—
Пошли тебе долгую жизнь господь!

Тут встал Давид,
Он сел на коня,
С ним Дзенов-Оган и толпа горожан,—
Все пошли,

Пришли в Цовасар—и видят они:
Высокой стеной окружен Цовасар.
Вправо, влево глядят—
Нигде корот не видать.
Давид в стену палицей метнул,
Обрушилась стена,
Вошел в пролом, и что ж видит он?
Там—тенистая роща, деревья там.
Зеленый цветник, мурава,
А посредине водоем изрыт,
В нем словно ключ,
Вода, струясь, журчит.
И каких там только нет зверей!
Посмотрел на охотников Давид,
Да вдруг как закричит:
—Эгей,
Никто ни одной убивать не смей!
Взаперти их любая старуха подстрелит
Мужчина сперва им свободу вернет,
Потом уж будет стрелять.
В плену ведь они,
Разве можно пленников убивать?
Давид ударил ногой,
Ограду сбил,
Все стены развалил.
Он шапку снял,
Подбросил к небу, крикнул: гой, гой!

Повыбежало все зверье.

Давид ему:

—А ну ступай на волю жить!

Так всех он выпустил зверей,

Сказал:

—А ну, иди, кто смел,

Теперь, коль хочешь, стреляй!

До вечера были в горах

Горожане те и Давид.

Ввечеру Давид говорит:

—Эту ночь я хочу провести

Во владеньях отца моего.

Так сказал он, тут лег и заснул.

Шло время, полночь пришла.

Проснулся вдруг Давид,

Присел, осмотрелся, глядит:

Над вершиной горы огонь горит,

Видит—радугой свет стоит:

Пал с неба луч и, огнем залита,

На той горе показалась плита.

Он пошел на огонь, наверх он взошел,

Взошел Давид, глядит:

Там гробница стоит.

Из гробницы бьет

Пламя-радуга.

Над гробницей—

Свет встает дугой...
Давид подошел,
Он руку в огонь окунул—
Не палит,
Он в пламя песку набросал—
Горит.
Огана Давид разбудил,
Спросил:
— Это что за могила-плита?
Оган ему:
— Это—могила отца твоего.
Здесь храм стоял,
Разрушился он.
Отец твой, Мгер, воздвиг его
Во имя пресвятой Девы Марута,
Но как только умер твой отец,
Мысырский Мелик напал,
Все стены разрушил,
Все снес.
Преклонился Давид,
На коленях подполз,
На землю руки он простер,
Прах поцеловал,
Он луком-стрелой
Обвел, очертил отцову плиту,
Весь будущий храм начертал,

Сказал:

—Так будет храм сооружен.

Обернулся Давид, говорит:

—Эй, дядя, умру за тебя,

О чем попрошу,—мне дай!

Пять сотен тысяч людей,

Чтоб камень тесать,—мне дай!

Пять сотен тысяч людей,

Чтоб щебень сгребать,—мне дай!

Пять сотен тысяч людей,

Чтоб воду таскать,—мне дай!

Пять сотен тысяч людей,

Чтоб стены слагать,—мне дай!

Чтоб снова тот храм свечами сиял,

Чтоб служба во храме том шла!

Коль храм не воздвигнется тот, —

Мой обет меня убьет.

Оган привстал, он знал,

Не станет дважды говорить Давид.

Во весь свой голос закричал, позвал.

Долетел до семи городов

Оганов зов.

Из семи городов понахлынули

Тысячи тысяч рабочих и мастеров,

Пошли Марутской Деве строить храм.

Наш Давид громадных скал

Наломал,

Основу стены заложил,
Снял с пояса меч,
Он меч в основание вонзил —
Чтоб на крепкой основе храму стоять.
И тьма еще не сошла,
Построен был храм, завершен.

Покинем теперь мы Давида —
Вернемся к Мелику —
О нем поведем мы рассказ:

Во Мсыр, к Мелику та весть как дошла,
Взревел Мысырский владыка,
Холбаши позвал,
Приказал:
— Сбирайся в путь,
На Сасунскую гору взойди,
Всевышнюю Деву Марута
Разграбь, разори, вернись!
Давида убей, мне уши принеси!

Собрался Холбаши,
Пятьсот всадников взял, поскакал,
Поскакал, прискакал к храму Марута,
Тут разграбил все, всех перебил,
Служка один уцелел,
И тот — когда шла резня —
Под трупы заполз,
А как ушли войска Холбаши, —

Из под трупов выполз он,
Рубаху иноческую взял,
В густой крови убитых искупал,
К Давиду он в тревоге прискакал,
В Сасун.
Глядит—Давид за столом сидит,
Веселится, пирует Давид.
Семилетний гранатовый сок он пьет.
Средь парней и девушек
Пирует, поет. —
На рубаху кровавую
Как глянул Давид—
Отрезвел, сказал:— Ай, вах!
Ну, парни, девушки,
Пируйте себе —я скоро вернусь!

Пошел он, осину с корнем рванул
Рукой по осине провел,
Все сучья ободрал,
Взвалил на плечо,
Пустился в путь.
Догнал он врагов...
Как занес он осину средь войска:
Всех перебил: кого убил,
Кого в поток побросал, утопил.
Лишь один Холбаши
На коне поток переплыл.
Тут молвил Давид:

—Всадник, тебя я мог бы догнать и убить,
Но я тебя не убью.
Ступай, Мелику поклонись,
Скажи: жив еще Сасун!
Вперед пусть будет умней:
От разбоев прок не велик.

И Мысыра достигла весть:
—„Мелик, что творишь?
Тот безумец рать твою перебил.“

И снова, опять,—
Мстить идет меликова рать.
Вот вторглись в град Сасун.
Пустились бить-громить.
Велели по городу женщин собирать!
Низких сорок жен
Загоняют в хлев,
Рослых сорок жен
Загоняют в хлев,
Невинных сорок дев
Загоняют в хлев.
Забрали волов,
Забрали коров,
Забрали подтелков,
Забрали бычков...

Давид в ущельях и горах
В то время дичь гонял,

Спустился с гор,
Пришел, глядит:
Словно пеплом город посыпан весь,
В городе—вопли, стон и вой,
Отбились дети от матерей.
Старуха, руки скрестив на груди,
Рыдает и вопит,
Мечется, кричит!
—„Стань грудой камней, Сасун!
Одна лишь дочь у меня была,—
И пленницей во Мсыр ушла!
В лишениях каких, в мученьях каких
Растили мы детей своих,—
Мысра—Мелика-ж проклятый посол
Козбадин,—
Он наших дочерей забрал,
В хлев запер их,
Чтоб к Мелику в Мысыр увезть.“

Пришел Давид в великий гнев,
У всех трех хлевов двери вышиб он,
На волю вывел дев и жен.
Сказал им:
—Матери, сестры мои, ступайте домой!
А сам в казну поспешил, и видит он:
Грабители в ряд,
На скамьях сидят,
А золота—целая груда лежит.

А дядя Оган держит чувал,
А дядя Верго, тот мерку взял,
Он мерит золото, счет ведет,
Зачерпнет—и в чувал,
Зачерпнет—и в чувал.

Как увидал, от гнева кровь
Давиду хлынула в глаза.
Обернулся к дядьям Давид, сказал:
—„Состарились вы,
Вам золота Сасунского не счесть,—
Стану-ка я считать,
Мысырский вьюк нагружать“.

Руку Давид протянул,
У дяди мерку рванул.
Всю высыпал, пустую в руку взял,
Стал мерять воздух, сказал:
—Вот вам один, вот-два...

Сказал, мерку швырнул Козбадину в лоб.
Он выбил зубы ему
И в лоб всадил ему,
И вырезал губы ему.
Он на коня его втащил,
Под брюхом ноги связал, сказал:
—Теперь с поклоном к царю спеши, скажи:
Так сделал Мгеров сын, Давид,
Чтобы в полон
Он не являлся уводить

Сасунских дев и жен.
Сасуна очаг еще не погас,
Чтоб вторгались вы дань требовать с нас!
Край Мысырский—для него,
Сасунский край—для нас!!!

Над тремя частями земли
Была у Мелика власть,
Но не был подвластен ему
Сасун—четвертая часть.
Лишь услышал о том Мелик,
Рассвирепел, кровь прилила к очам.
—Разгромлю Сасун,—на Сасун иду!
Их воду, землю, народ—
В полон возьму!
Все сравняю с землей,—
Чтоб имени „Сасун“
Отныне не слышал мир!
И созвал меджлис Мелик.
Сошлись за князем князь.
Принес корыто царь,
Поставил пред собой.
Ударил бритвой в лоб себя,
И хлынула кровь в корыто,—полилась.
И кровью той, Мысра-Мелик
Написал боевой приказ:
—Полночным странам—мой бранный клич!

Восточным странам—мой бранный клич!

Южным землям—бранный клич!

Запад внемли—бранный клич!

Полкам и войскам и войска вождям:

Все, кто носит оружие, да придут!

Война!

Спешите пароны!

Летите лавиной,

С отвагою львиной

И силой великой!

Эй широколобый,

Лопатоязыкий

Народ!

В бой с армянами зову я тебя!

Мне многие множества

Смелых юнцов нужны для войны!

Мне многие множества

Вдовьих сынов нужны для войны!

Мне множества

Чернобородых бойцов

Нужны для войны!

Мне множества

Рыжих, как львы, удальцов

Нужны для войны!

Мне множества

Белых, как снег, стариков

Нужны для войны!

Нужны мне тьма верховых
На белых конях!
Ах! На белых конях!
Нужны мне тьма верховых
На рыжих конях!
Ах! На рыжих конях!
Нужны мне тьма верховых
На черных конях!
Ах! На черных конях!
Мне тысячи тысяч нужны,
Чтоб громко в трубы трубить!
Да! громко в трубы трубить!
Мне тысячи тысяч нужны,—
В мои барабаны бить!
Да! Бить в барабаны! Бить!
Идите ко мне!
Без числа я воинов пеших зову!
Да! Пеших зову!!!
Летите, игиты! Идите за мной!
С армянами в бой!

И видит Мысра-Мелик:
К нему войска идут со всех сторон.
Затмили даль войска,—
Пешком и на конях!
Стал передний отряд
На речных берегах,
Коней напоил,

Реку обмелил.
Средний отряд
До самого дна реку осушил.
Последний отряд
Даже камни на дне облизал:
Остался последний отряд без воды.

И вот Мелик войска повел.
В пределы Сасуна ввел войска,
Там, где шумит Лерва-река,
Он станом стал на поле Мшу.

И вновь старуха к Давиду спешит.
—Давид,—говорит,—Мгера-ль ты сын?
Защитя Сасун!
Хранит Дзенов-Оган
Доспехи отца твоего.
Иди, заberi и выступи в бой!

И тотчас Давид к Огану бежит:
—Отдай мне Молнию-Меч отца,
Что добыт из воли морских!
Отдай мне Коня-Джалали-Жеребца,
Что добыт из воли морских!
Отдай мне кованный шлем отца,
О который ломились мечи!
Отдай мне наряды отца,
Сшитые из парчи!
Отдай ты мне все—
Иду я на бой!

Вздохнул Оган, сказал:
— Давид, мой родной!
Доспехи я скрыл глубоко.
Ты сорок крутых ступенек пройдешь
И там, под землей доспехи отца найдешь.
Коль вынесешь их — и в бой ты хорош,
Но не суйся в бой, коль их не возьмешь!

Но то был Давид!
Он в подземелье спустился,
Глядит: лежат доспехи отца.
Он их обхватил,
На плечо взвалил,
Понес и принес к Огану на свет.

Оган говорит:
— Родной мой, Давид,
А справишься-ль ты с Конем-Джалали?

Вот к хлеву они подошли,
Дверь распахнул без страха Давид.
Джалали Давида как увидал —
Доспехи Мгера он узнал
И радостно заржал.

Вот подошел Давид,
Коня за гриву он взял,
Протер глаза коню.
Погладил, обласкал.
Обнюхал конь его, заплакал конь.

Взял, вывел скакуна Давид на свет,

Увидал Джалали, что пред ним не Мгер,
Копытом оземь как грянет конь,
Брызнул из земли огонь.
По-человечески скакун заговорил:
—Тварь земная! В прах я тебя обращаю!
Как смел ты предстать предо мной?
А Давид говорит:
—Иль я сесть на тебя не могу?
Джалали:—Я взметну тебя к солнцу,
О солнце сожгу!
А Давид:—
—Я припречусь под брюхом твоим!
Джалали:—
—Я на горы тогда упаду,
Разобью, искромсаю о скалы тебя!
А Давид:—
—Мигом вспрыгну на спину твою!
Схватил поводья, сел в седло.
Только взнес его конь,
Вздумал солнцем спалить,—
Он укрылся под брюхом коня.
Конь хотел его в землю ударом вдавить—
Он на спину к коню перелез.
Конь не раз еще прыскал в высь,—
И бросался по сторонам,
Приседал, на дыбы вставал,
Уздечку пеной покрывал,

Давида напрасно сбросить желал.
Покорился... смирился... стал... Связал:—
Ты хозяин мой—твой Джалали!

И встал Давид, прынул на коня,
Горожанам отдал поклон,
Поселянам отдал поклон,
Мужчинам и женщинам отдал поклон,
Сказал:
—Братья и сестры! Не бойтесь врагов!
Народ меня шлет с Меликом на бой!
Сестры, вам—добро оставаться!
Все вы сестрами были мне.
Помните имя мое!
Матерям добро оставаться—
Матерями вы были мне.
Помните имя мое!
Старым и малым—добро оставаться!
Помните имя мое!
Мои сестры! Матери! Братья мои!
Прощайте,—иду я сражаться за вас!

Давида конь помчал.
То был Джалали! Он как птица летал
И путь семидневный за час промчал.
Поднялся на темя горы,
На вершину горы прискакал,
И у родника на колени он встал.

Давид решил, что Джалали устал,

И так сказал: Ай—вах, Джалали!
Шею б тебе свернуть.

Я думал—через кровавые реки
Меня ты перенесешь,
А горсть воды на пути повстречалась
И ты на колени встаешь?

Стременами Давид, как ударил коня,
Бока ему измял.

И в гневе конь сказал:

—На солнце б я тебя мог сейчас швырнуть,
Но ради Мгера—отца твоего,
Тебя я щажу.

Здесь молочный источник Мгера—
Источник, дающий и силу и мощь!
Слезь и испей воды,

Да горсти две брось на мои бока!

Давид сошел и в лоб коня поцеловал,
Смочил ему бока

Водой из родника.

И на траву коня

Тут пастись пустил.

Сам напился из родника,

Умылся, лег, уснул.

Проспелся, проснулся.

И чует Давид,

Что стал он могуч.

Одежда отца стала тесной ему.

Конь заржал, подбежал.

Давид занузда, — сел на него,

И погнал коня мой Давид.

У тех камней, холмов и гор, и родников

Прощенья попросил,

И так им говорил:

— Как бог, творящий добро,

В щедротах неиссякаемы вы!

Эй студеные родники Цовасара,

Отрадными оставайтесь вы!

Буду жаждать в бою, принимая удары, —

В тоске обо мне оставайтесь вы!

Прохладные ветры Цовасара,

Отрадными оставайтесь вы!

Буду полон я томленья и жара, —

Прохладными оставайтесь вы!

Умолк.

Погнал коня на войско Мысра-Мелика,

Увидел: —

Есть небесным звездам счет,

А тем шатрам арабским счета нет.

Давид головой покачал,

Сказал:

— Ай-вах! Как же мне с громадой такой воевать?

Будь они даже стадом весенних ягнят,

А я был бы голодным волком,

Я не смог бы их всех задрать,

Растерзать!

Когда б я пожаром стал,
И стогами стали шатры,
Я не смог бы их испепелить,
Пожрать!

Если б пеплом стали они,
А я ураганом стал,—
Я не смог бы их поднять,
Разметать!

Джалали угадал его думы, сказал:
—Мой Давид! Ай-вах!
Отчего твой страх?
Сколько справа,
Сколько слева твой Меч-Молния убьет,
Столько рати
Хвост мой пламенный сметет!
Сколько рати твой Меч-Молния убьет,
Столько рати
Дых мой огненный сожжет,
Сколько рати твой Меч-Молния убьет,
Столько рати
Разбросает мой полет,
Столько рати
Под копытами умрет,
Не унывай—гони меня!
Лишь не разлучайся со мной.

От этих слов окреп Давид душой.

Он коня погнал
Со скалы закричал:
—Эгей!

Эй, кто спит—поскорей вставай!
Кто проснулся—коня взнуздай!
Кто взнуздав—свой меч надевай!
Кто с мечем—на коня взлетай!
Не говорите потом,
Что Давид
Как вор пришел и ушел тайком!

Умолк Давид.
Ворвался в стан,
Рубил и говорил:
—Скачи, мой конь! Скачи!
Рази, мой меч, рази!
Мечом он рубил, конем он давил.
Поток кровавый трупы уносил.

В войсках Мелика был араб старик,
Его и семерых сынов его
Насильно на войну пригнал Мелик.
Идет старик,
Говорит: Эй-вах!
Дорогу! К Давиду иду!

Пришел, перед Давидом встал,
Сказал:
—Давид, дорогой!

Ведь—это люди, существа живые,
За что ты губишь их?
Ведь жены дома есть у них,
И дети есть у них...
Все они--обездолены, бедный люд,
Это войско несчастное ты пожалей!
Тот—опора матери старой своей,
Тот—женился недавно и пригнан сюда,
Тот—оплот и надежда бедной семьи,
Тот—родителей престарелых звезда.
Мелик насильно нас привел,
Мы не враги тебе! Твой враг—Мелик,
Иди с ним воюй, коли ты храбрец!
—А где Мелик?—спросил Давид.
—А вот —смотри:—
В зеленом том шатре он спит.
Дым, что клубится над шатром,
Ведь то не дым,
То изо рта Мелика пар валит.
Коль ты убьешь его, Давид,
Молиться будут за тебя бойцы.
Они домой уйдут,
Где ждут их дети и отцы!
И сжалился тогда Давид,
Убийства прекратил,
И молвил:—Ну, старик,
Мудрое слово ты сказал,—

Исполню я слово твое!

Давид примчался.

Перед шатром он осадил коня.

И видит—спит в шатре Мелик:

Семь дев от него отгоняют мук,

Семь дев чешут пятки ему,

Семь дев сердце гладят ему,

А мать в изголовьи сидит, за всем следит,

А двое арабов-слуг у дверей стоит.

—А ну, разбудите его!—

Арабам Давид говорит.

Отвечают:

—Нельзя его будить.

Семь дней ему высыпаться—

Три дня лишь как спит.

Еще проспит он четыре и проснется сам.

Давид говорит:

—Пусть выйдет ко мне!

Коль бессмертен он—

Я смертью стану ему!

Коль ада нет для него—

Я буду адом ему!

Я усыплю его великим сном!

Что делать? От плуга лемех раскалили,

К ногам Мелика положили:

—Уф, девушки!—сказал Мелик,—

Вы плохо постелили мне,

Блохи меня кусают во сне.

И снова Мелик захрапел.

Тут мой Давид не стерпел,
Копьем взмахнул,
Меликову пятау копьем проткнул:
Стал просыпаться Мелик,
Ручище он на веко положил,
Другое на другое веко положил,
Продрал глазища,—выглянул наружу,
Глядит,
Стоит тут Давид:—
Натужился, подул,
Чтоб с места сдуть его,
Но не шелохнулся Давид.
Тут Мысра-Мелик ослаб
На сто буйволиных сил.

Давид говорит:

—Мелик, пришел я сразиться с тобой.

Захотел Мелик:

—Ах, чорт тебя возьми, Давид,

Ты всадником давно ли стал?

Но раз уж ты стоишь у моего шатра,—

Сойди с седла, войди сюда,

Помиримся, поговорим.

Здесь отдохнем,

А бой потом начнем!

Яму в двести локтей глубиной

Выкопала в шатре Мелик,
Яму сеткой стальной покрыл.
Сетку сверху ковром застелил,
Чтоб Давид пришел и сел
И в яму упал.

Дался тогда мой Давид в обман,
Сошел он с жеребца Джалали,
Не давался конь, на дыбы вставал,
На вершину горы ускакал,
Он мудрый был—он все понимал...

Давида посадили на ковры...
—Дырымб!!! Он в яму полетел.

Мелик накрыл его сеткой стальной,
И мельничные жернова
На сетку навалил, сказал:
—Так пусть он там сидит,
Покуда не сгниет!

*Мир душе твоей, Прекрасный Давид!
Мир душе твоей—о, Хандут Хатун!
Мир душе твоей—о, Младший Мгер!
Мир вам и радость,
Пришедшим послушать меня!*

На чем мы расстались с Давидом моим?

А на том:

В глубокую яму попал Давид...

И в ту же ночь Дзенов Оган увидел сон:

Он видел—

Примчалась Мысыра звезда

И проглотила Сасуна звезду.

И закричал Оган:

—Жена, вставай, Давид убит!"

Жена принесла доспехи, надел их Оган,

Пошел, конюшню отворил:

На спину белого коня ручище положил,—

Упал на брюхо белый конь.

Оган спросил: Эй белый конь!
Когда до Давида
Ты домчишь меня?
— До полдня, — молвил конь.
Дзенов-Оган сказал:
— Пусть корм, что я тебе давал, —
Не в прок тебе пойдет!
Что там до полдня я найду, —
Давида или труп?
Пошел Оган,
На спину красного коня ручище положил,
Упал на брюхо красный конь.
Оган спросил: Эй красный конь!
Когда до Давида
Ты домчишь меня?
— До утра, — конь проржал.
Дзенов-Оган сказал:
— Пусть множество моих забот —
Не в прок тебе пойдет!
Что там до утра я найду, —
Давида или труп?
Пошел Оган,
На спину черного коня ручище положил, —
На брюхо не рухнул черный конь.
В лоб черного коня Оган поцеловал,
Сказал: Эй черный конь!
Когда до Давида

Ты домчишь меня?

Ответил конь:

— Коль удержаться сможешь ты на мне,
В стремя вступив левой ногой,
То раньше, чем правую ногу
Ты над седлом занесешь,
Я тебя до Давида домчу!

Садиться стал Оган на черного коня:

Он в стремя встал одной ногой,
Пока другую ногу нес через седло,
Взметнулся конь и долетел
До темени горы Лерва.

Завернулся в семь воловьих шкур Оган,
И семью цепями обмотал себя,—

(Чтоб не лопнуть, как начнет кричать),
Встал на стремяна он и закричал:
— Эгей!

Давид—

Где ты?

Эгей!

Великую вспомни Марута!

Вспомни Победный крест,
Что горит на деснице твоей!

Вставай, встряхнись!

Оган кричал, как гром гремел.

Зов услышал Давид,

Встряхнулся, рванулся в яме он,

Вместо ямы открылось поле перед ним.

Жернова поднялись,

В облака унеслись.

(Несутся и поднесь!)

Давид из ямы вышел и сказал:

— Мелик! Ты обманул меня вчера,—

Что будешь ты делать сегодня?

Что было делать Мелику?

Он велел коня привести

И спросил:

— Давид, как нам биться,—

По силе или чередом?

— Как угодно душе твоей,—молвил Давид.

И Мелик говорит;

— Я хочу—чередом—

Ты трижды ударь,

Трижды ударю и я.

Только решим,—

Кто первый будет бить?

Давид говорит: „Ты старше. Бей первый!“

Взял палицу свою Мелик,

К Фармана поскакал,

И, миновав трехдневный путь,

Коня поворотил,

И, на Давида налетев,

С разгону палицу пустил.

Загудела земля,

Взвыла, как пес, от удара,

Распоролась, взрыхлилась земля,

Как под плугом, что сорок волов волокут,

Мгла и облака пыли

Небо и землю закрыли,—
Затмили солнечный свет.

Эта пыль, эта мгла
И за сутки осесть не могла.

Крикнул Мелик: Ты прахом был, Давид,
И в прах я опять превратил тебя!

Но Давид отвечал—я жив.
Ударь еще раз!

—Грох,—зарычал Мелик,—
Видно короток был мой разбег.

И вновь повернул он коня,
Диарбекира достиг,
На Давида оттуда Мелик налетел
И с разгону в него пустил палицей...

Загудела земля, словно лев зарычал,
Разорвалась земля,—

Словно ливни размыли ее,
Мгла и облака пыли
Небо и землю закрыли,
Затмили солнечный свет.

Два дня и две ночи
Пыль над Давидом стояла.

И сказал Мысра-Мелик:
Эй, Давид! жив ли ты?
Был ты прахом и прахом ты стал!
Но Давид отвечал: Я жив.
Ударь еще раз!

— Эй, вах! —сказал Мелик,—

Был мал разбег моего коня.

И снова Мелик ускакал,
До Мысыра разогнал коня
И грянул палицей в Давида.

Словно под громом горной грозы
Вздогнула земля,
Словно от земли трясения
Задрожала, затрещала по швам земля,
Мгла и облака пыли
Небо и землю закрыли,
Затмили солнечный свет.
Над Давидом три дня и три ночи плыли,
Облака пыли
И мгла.

Мелик сказал:

— Давид был прахом
И прахом он стал опять!

На третий лишь день от земли
Пыль и мгла отошли,
Стал на место Давид
На коне Джалали.

Сказал:

— Ты три удара мне нанес,
И очередь теперь моя.

Мелик сказал:

— Давид, молю тебя,
Дай срок,

Пусти—я лягу под шатром,
Ты бей меня потом.

Давид ему:
— Поди ложись!
Пришел Мелик в шатер,
Спустился в яму он.

Вот сорок буйволовых шкур
Взвалили на него.

Огромных сорок жерновов
Взвалили на него.

Вскочил Давид на Джалали,
До Цовасара доскакал,
И, вскинув Молнию-Меч,
Назад коня погнал,
Чтоб нанести удар.
Тут Исмил Ханум обнажила грудь,
Прегрاديла путь,
Говорит:
— Давид!

Я грудью кормила его! Я мать!
Подари ты мне этот удар!

И спустил свой меч Давид,—
Взмахнул им, побряцал,
Потом клинок поцеловал,
Приложил ко лбу и сказал:
— Дарю я матери этот удар!

И снова ускакал Давид,

И вновь пронесся с гор,
Чтоб нанести удар;
Сестра Мелика преградила путь:
— Давид!—говорит,
Когда ты был дитя,
Я нявьчила тебя,
Играла я с тобой,
Подари ты мне этот удар!

И вновь спустил свой меч Давид—
Два раз им взмахнул, побряцал,
Потом клинок поцеловал,
Приложил ко лбу, сказал:
— Второй удар сестре я дарю!
Остался мне—один удар, да бог, да я!
Иль убью—иль нет!

И вновь повернул Давид,
К Сасуну прискакал,
И от Сасуна взял разбег.
Уж приближался к яме он,
Воскликнул: О, высокая Марут!
И грянул Молнией-Мечом.

Меч расколол все сорок жерновов,
Рассек все сорок шкур,
Чудовище-Мелика разрубил,
Рассек от лба до ног,
На три локтя в землю врос...

Из ямы крикнул Мысра-Мелик:

— Я жив, Давид!

Руби еще!

Давид ему:

— Мысра-Мелик, а ну встряхнись!

Встряхнулся в яме Мысра-Мелик

И развалился пополам, —

И околел.

Покинул Давид шатер,

Он к войску повернул Джалали.

Кто из полководцев и войск уцелел,

Он всех их призвать повелел

И сказал:

— Вам всем дарую волю я,

Вернитесь в Мысыр свой родной.

И дани мне вашей не нужно.

Вернитесь, живите, как жили.

Не вздумайте ходить на Сасун войной.

Но, если вы вновь захотите

Войною пойти против нас,

Оружьем бряцать вы начнете —

Тогда — как теперь — не спасут вас

Ни яма в двести локтей,

Ни жернова.

Тогда — как теперь — поразят вас

Давид из Сасуна и Молния-Меч.

С того времени год прошел,

Дзенов-Оган сказал:

— Сынок, Давид, ты нас
От рук Мелика спас,
Возьму тебе жену!
Пошел, отдать попросил Чимишкик-Султан,
А была Чимишкик-Султан, краса-богатырша, —
В невестах была.
Так Давид и Чимишкик-Султан
Сменили кольцо на кольцо,
Но свадьбу сыграть не успели.

Когда Мысра-Мелика сразил Давид,
Слух в крепость дошел,
В Капут-Кох голубой,
До царя самого, до Вачо-Марджо,
До дочки его, до Хандут-Хатун,
О том, как храбр Давид
И его необорна сила...
А и сама царица Хандут
Была и храбра и красива.
Слава о ней весь свет охватила.

И решила Хандут:
— Если кто для меня, — так Давид!
Никто другой, как Давид!
— Позвала царица певцов:
— Эй, гусаны, идите в Сасун,
Перед Давидом воспойте меня,
Да воспойте так,
Чтоб пришел он невесту взял!

Гусаны встали, пошли,
И каждый Хандут воспел, как умел.

Сперва седобородый гусан
Взял в руки свой тавих,
Настроил лады,
Хандут-Хатун запел хвалу:
— Стану петь—восхвалять
Хандут-Хатун для Давида!

Как коня Джалали пробег-перелет,—
Ширь сердца ее!
Стану петь—восхвалять
Хандут-Хатун для Давида!

Как сотовый мед,—
Губы ее!
Стану петь-восхвалять
Хандут-Хатун для Давида!

Как жемчужин ряд,—
Зубы ее!
Стану петь-восхвалять
Хандут-Хатун для Давида!

Как чаши с вином из гранат,—
Очи ее!
Стану петь-восхвалять
Хандут-Хатун для Давида!

Как румяное яблоко,—
Щеки ее!
Стану петь-восхвалять

Хандут-Хатун для Давида!

Вторым чернобородый гусан

Взял в руки свой тумбур,

Настроил лады,

Хандут-Хатун запел хвалу:

— Любуйтесь на Хандут,—

Ей руки и ноги калам обводил.

Ах-ала-тго! Калам обводил.

Любуйтесь на ногти:

Ей ногти подпилоч точил.

Ах-ала-тго! подпилоч точил.

Любуйтесь на косы:

Сорок кос у нее.

Ах-ала-тго! Сорок кос у нее.

Любуйтесь на стан:

Как тополь весной, строен стан ее.

Ах-ала-тго! Строен стан ее.

Любуйтесь на сосцы груди:

Как сахар алепский сладки они.

Ах-ала-тго! Сладки они!

Пропел восхваленье и третий гусан.

Прослушал Давид восхваленья Хандут,

Что трижды гусаны пропели ему.

Взял в руки свой саз, настроил и спел:

— Вы на счастье пришли, певцы!

Чисто, как молоко,

Мое сердце было,—

Его закваской заквасили вы,
Крепко, как крепость Сасун,
Мое сердце было, —
Песней его разрушили вы.
Яснее осенней реки мое сердце было, —
Ливнем весенним его замутили вы!
Вы расплавили сердце мое,
К Хандут-Хатун меня привязали вы.

Идите, пройдет лишь семь дней.
Приду я за ней!

Прошло семь дней.
С зарей вставала Хандут-Хатун,
Садилась под окном,
Ждала, нейдет ли Давид?

Однажды глядит:
Полыхает огонь между небом и землей,
Несется конь между небом и землей,
Пламенем всадник обвит!
Сказала: — Видно то Давид!
Сказала едва, а Давид у ворот:

Взглянула тут Хандут-Хатун —
Из всех женихов Давид полюбился ей.
Метнула яблоко ему,
Сказала: — Пусть Давид войдет,
А тем сорока женихам туда подайте обед!
И встал Давид, к Хандут в покои вошел,
Едва лишь на Хандут поглядел,

Молодой был парень,—не стерпел:
Он схватил Хандут, крепко-накрепко сжал
И в лоб поцеловал,—
Но не остыл,
В лицо поцеловал,—
Опять не остыл.

Схватил опять—в грудь поцеловал...

А поутру—сколько на небе звезд—
Шатер к шатру враги стоят.
Без счету войска: град охватили кольцом,
Пришли, чтоб взять Хандут-Хатун
И умчать.

Взобрался Давид на коня Джалали,
И, как нагрянувший град
Поспевшую ниву ломает, крушит,—
В гущу рати с головой влез Давид.
Он вражью рать разгромил-сокрушил,
И сели они вдвоем на коней,
Обнявшись, тронулись в Сасун.

Как прибыли в Хлат,
Там мимо окон Чимишкик-Султан
Пришлось проезжать.

Увидела их Чимишкик-Султан,
Сказала: —Давид!
Я ль не красива была?
Я ль сердца своего тебе не отдала?
Ты обошел меня, взял Хандут-Хатун,

Выходи же биться со мной,
Коли я тебя убью,
Останемся мы вдовами, и Хандут, и я.
Коль ты меня убьешь,
На постель Хандут пойдешь,
С ней уснешь.

Давид говорит:—Чимишкик-Султан,
Ведь женщина со мною в пути.
Дозволь ее домой довезти,
Лишь минет семь дней,
Вернусь я биться с тобой!
Сказал и взял Хандут-Хатун,
Поскакал домой.

А в Сасун, прискакав домой,
Позвали семь певцов с зурной,
Семь дней, семь ночей пируют, поют,—
Повенчали Давида с Хандут.
А как ложе Давид с Хандут разделил,
Про обещание свое
Позабыл...
Прошло семь лет.

Тем временем отбыл Давид в Гюрджистан,
А Хандут-Хатун на сносях была,
Легла и сына родила.

Приволокли от плуга цепь,
Той цепью свили, связали его,
Но, как заплакал малыш,

В люльке тянутвся стал,—
Распалась цепь,—
Не счесть на сколько кусков разорвал
Признали: сын богатырский.
Нарекли младенца—в честь деда—Мгер.

У других ребята растут по годам,
А Мгер—вырастал по дням.
Протекло семь лет, не вернулся Давид,
А Мгер—уж вырос, по отцу тосковал.
Все о нем вопрошал. И сказал:

— Пойду-ка, найду я отца!
Мать принесла золотой амулет,
На рукав надела ему,
И указала путь—в Гюрджистан.

Пусть Мгер идет по тропам своим,
А мы о Давиде продолжим рассказ.

Вспомнил Давид:
— Мой долг к Чимишкик-Султан итти.
Я слово дал вернуться через семь дней.
Прошло семь лет,—

Обманул я Чимишкик-Султан.

И в тот же час он встал,
Коня жалали оседлал,
Опоясал Молнию-Меч, ускакал.

Скакал, скакал,
Доскакал до палаты Чимишкик-Султан,
Тут Чимишкик-Султан говорит:

— Давид, ты на семь дней мне слово давал,

А прошло семь лет.—
Без мужа осталась я,
На дорогу глядела, ждала...
За измену свою ответишь ты мне головой.
Выходи-же биться со мной!

Давид коня Джалали привязал, сказал:
— Конь останется тут,
Пока ж облачишься в доспехи свои,
Я к реке спущусь, окунусь,
Смою грехи перед битвой.

Одежду свял Давид,
В реку вошел.
Вот Чимишкик-Султан
В руки взяла стрелу,
Отравила ее,
В тростник зашла,
Притаилась там.
И пустила в Давида стрелу.

Вонзилась в спину,
Вошла стрела,
Наружу вышла через грудь.
Вонзилась, и вскрикнул Давид.
А голос его, что при молнии гром,—
Он долетел в Сасун.
Дзенов-Оган услышал тот крик,
Сказал:—Молодцы, лао, вставай!
Убили Давида!

Дзенов-Оган, Кери-Торос,
Чинчха-Порик, Котот-Мотот,
Хор-Манук, Хор-Гусан,—
Все скопом пошли.
А Дзенов-Оган из Сасуна еще
Все кричал,
Все звал:—

—Давид, мы идем!

Давид мой, крепись!

И на помощь к Давиду пришли,
До той реки дошли:

—Удалец, кто, кто тебя поразил?

А тот:—Не ведаю, кто поразил,
Кто-то в спину меня сразил...

Так молвил Давид,
Замолк он и умер...

Умер Давид. Вzbесился конь.
Он привязь сорвал, выбежал вон.
Сколько в пути ни встречал людей,
Скота, лошадей—он всех
Копытами бил,
Топтал.

Примчался к дверям Хандут-Хатун,
На колени он рухнул,
Головой поник, —
Заплакал конь...

Вышла Хандут-Хатун, посмотрела,

Видит: конь прискакал, а хозяина нет,
Сказала:—Ай-вах! Мой Давид не пришел!
Такой пал витязь, как Давид.
Пусть солнца не буду достойна я,
Коль после Давида останусь я жить!

Взошла Хандут на крепость,
Взошла на башенный герх,
И с башней той
Сторожевой
Рухнула вниз головой.

И опять побежали дни.
И снова враги стали теснить Сасун.
И сказал Дзенов-Оган:
— Дождемся, что враг,
Кремневым градом снесет Сасун.
Вставай, лао, идем!
Мгера, Давидова сына найдем.
Он за Давида отомстит,
Да и Сасунский Дом наш пуст—
Хозяина ждет себе!

Тут завернулся Оган в семь шкур,
И семью цепями обмотал себя,
(Чтоб не лопнуть, как начнет кричать)
На высокую гору все поднялись,
И крикнул Дзенов-Оган:
— „Мгер, эгей! Мгер, эгей!“
А был за семью воротами Мгер

Врагами под землей укрыт.
У каждых ворот
Сторожа стоят,
И в бубен бьют,
И в зурну дудят,
Чтоб голосов родных не слышал Мгер...

Послышалось Мгеру, что кличут его,
А бубен все бьет,
Все дудит зурна...

Тут к зурначам взмолился Мгер:
— Молчите! Мой род говорит со мной.
Зов слышу я, но откуда он?
С Востока он, с Запада он?
Не пойму—с Юга он? Иль с Севера он?

Тут снова крикнул Дзенов-Оган:
— Меж Севера он,
Меж Юга он,
Меж Востока он,
Меж Запада он,—
Там отец твой убит,
Семь дней, как схоронен.
Бродит месть его по земле!
Иль не агнец в Сасунском стаде ты,
Кто ж за отца отомстит?

Тут в третий раз Мгер,
Как слышал зов,—
Он разбил все семь ворот-оков;
Первые с петель ногой своротил,

Вторые он—первыми,
Третьи—вторыми сбил,
Все семь ворот разбил,
Вышел вон:
— Где ж ненаглядный отец?
Завопил, зарыдал,
Пал на колени Мгер,
Голову в землю зарыл.

Как наземь он пал, зарыдал—
Слезы его, землю прорыв,
Глубокой рекой потекли.

На третий лишь день шевельнулся Мгер,
И молвил, встав с земли:

— Лучше очи закрой, дитя,
Чем жить сиротой,—
Отцовской повязкой цветной
Не ласкать очей!

Лучше очи закрой, дитя, дитя,
Чем жить сиротой,—
Его опояской стальной
Не ласкать очей!

Мечом его Молнией той
Не ласкать очей!

Кольчужной его епанчой
Не ласкать очей!

Чеканкой сапог боевой
Не ласкать очей!

Лучше очи закрой, дитя, дитя.

Чем жить сиротой!

О, Конь-Джалали, и тобой

Не ласкать очей!

Так молвил он,—сел на коня
И, как буря мчит комариный рой,

Умчал,

Перебил,

Прикончил всех врагов,

И сказал:

— Наконец,

Отомщен мой отец!

И снова пустился Мгер
Скитаться по свету.

Много врагов одолел,

Много утешил сирот,

Много он слез осушил,

Правды он в мире искал,

Но нигде он ее не видал...

Прошло немного лишь дней
И опять

Стали враги притеснять

И одолевать.

Вот встал Дзенов-Оган,
Он Мгеру грамоту послал,
В ней так написал:
— Мгер,

Подросли вражьи внуки,
Дерзки они,
Пришли, осаждают Сасун,
Один я,
Нет сил у меня,
Вставай,
Приди,
Поспеш!

И снова встал Мгер,
И (в который уж раз!)
Пустился на помощь Сасуну.
К Сасуну подъехал он,—
А как доехал—понял, что устал...
Заплакал он, затосковал...
Он направил Коня-Джалали в Цовасар,
К материнской могиле припал, сказал:
— Встань, матушка, встань!
Я—Мгер, сын груди твоей.
Семь месяцев Мгера носившая,
Раньше времени меня родившая,
Много мук на веку вкусившая!
Так долго твой сын по свету блуждал,
Он слаще тебя никого не сыскал.

Из под земли прозвучало в ответ:
— Сынок, чем помочь тебе?
Бескровны лица у нас,
Свет глаз давно погас...

Довольно скитаться тебе,—сыннок,
Довольно скитаться!
Настанет конец и страданьям твоим,
Настанет конец лишь тогда,
Когда
Разрушится мир
И воздвигнется вновь!
Звал долго Мгер,
Молчал материнский гроб.
Он к отцовской могиле припал, сказал;
— Ты встань, отец, ты встань!
Вот я всех пережил.
Весь дом схоронил.
По земле я напрасно бродил.
Ты встань, отец, ты встань!
Холодным снегом Сасун покрыт!
По колено в снегу твой сын стоит!
Ты встань отец, ты встань!
По сладкому запаху твоему стосковался я!
По светлому лику твоему стосковался я!
По мудрому слову твоему стосковался я!
Так долго один скитался я!
Ты встань, отец, ты встань!
Из под земли прозвучало в ответ;
— Чем помочь тебе, сын?
Бескровны лица у нас.
Свет глаз—давно погас.

Довольно скитаться тебе, мой сын,
Довольно скитаться!
Настанет конец и страданьям твоим.
Настанет конец лишь тогда,
Когда
Разрушится мир
И воздвигнется вновь!

И гневно к богу воззвал Мгер:
— Доколе ж мне страдать?
А уж Мгеров конь на земле не мог устоять.
Как шагнет—увязают ноги в земле.
Ослабела, осела земля,
Не хотела Мгера носить.

Взял Мгер коня под уздцы, потянул,
Повел, а перед ним, вдруг
Черная стала скала.

Тут молвил Мгер:
— Ай-вах! Все напрасно!
Хоть узнаю,
За что я страдаю?
Ударю скалу палицей—
Расколется—я прав,—
Не расколется—согрешил.

Ударил Мгер в скалу палицей,—
Пополам раскололась скала...
Мгер и Конь—Огонь—Джалали,
В скалу ушли,—

ВФ 1645. Заказ 85. Тираж 3000. 5 печ. л.
В печ. л. 15360 зн. Подписано к печати
21/11—42 г.

Типография Армгиза, Ереван, ул. Ленина 65

177

Цена 4 руб.